

С. С. ЧАХОТИН

Психология примирения

В своей статье «В Каноссу!» в сборнике «Смена Вех»¹ я попробовал разобрать три основных вопроса в тех трех разделах, из которых сконструирована статья. В первом речь шла о «белых» ошибках и их историческом оправдании, во втором — о повороте на новую дорогу, и в третьем и, в общих чертах, намечал конкретную программу того, что нам делать, идя в Каноссу. Здесь я не буду возвращаться к вопросу об ошибках: они интуитивно ясны для всех, они всеми признаются, а в объективной плоскости — это вопрос будущих исторических исследований. К вопросу о конкретной программе мы постараемся вернуться в другой раз.

Сегодня нас интересует вопрос о *повороте*. Для поворота нужна решимость, нужно преодолеть известную инерцию. Это и есть кардинальный вопрос момента: психологический перелом, или, не побоимся сказать, *оправдания большевиков*. Отбросим всякие недоговоренности: без этого «оправдания» ничего не выйдет — нельзя работать, нельзя идти вперед с камнем в душе. Для творчества необходима легкость, радость. А творить придется, и много, и радостно, и горячо, ибо все разрушено, от старого нет камня на камне, все надо строить заново, и, слава Богу, что заново.

Есть два вида оправдания: *историческое* и *психологическое*. Суть первого в том, что для дальнейшего развития России другого выхода, кроме выбранного большевиками, не было, и причиной тому, пожалуй, окажется именно вялость, нежизненность нашей интеллигенции. Спору нет: выход без жертв, без разрушений — идеал, ну, а если он нам в силу условий не был дан? Что выход вообще был нужен, в этом ведь никогда никто не сомневался. Но для исторического оправдания «большевизма», как единственно возможного выхода, мы еще, пожалуй,

слишком близко стоим к нему; оно для теоретиков, для людей с научным складом мысли. Впрочем, для массы интеллигентов, для колеблющихся и сомневающихся, для разочарованных — практическое значение имеет оправдание не историческое, а психологическое: надо почувствовать, что «примиряешься», надо — скажем «страшное» слово «оправдать большевизм».

Но можно ли оправдать *большевиков*, т. о. ту группу личностей в русской истории, которая, учитывая грозно вздымающуюся стихию народного гнева и отчаяния, имея спую идеологию спасения человечества и в частности России, ясно видя беспомощность, дряблость нашей интеллигенции, решила идти путем, полным разрушений, борьбы и ужасов, путем, на котором для многих мерещилась гибель России? Русская интеллигенция этим путем пойти не сумела; те, кто тогда на него вступил, были в её глазах преступниками. Поэтому можем ли мы сегодня принять их дерзание?

Конечно, кто, идя в Каноссу, собирается «прощать» народ, того можно лишь пожалеть. Но в отношении *большевиков, интеллигентов — водителей народа*, вопрос этот уместен — более того, он жгуч. Здесь препятствие к массовому повороту, а он-то именно и нужен.

Чтобы примириться, надо почувствовать возможность этого, отправляясь либо от чувства, либо от логических требований. Другими словами, чувство примирения может родиться в нас: либо, если некоторые запросы нашей сферы чувства получают успокоение, либо если мы испытаем удовлетворение в сфере логической, под влиянием тех или иных доводов, сопоставляя их спокойно, возможно беспристрастно, так, как мы это в праве требовать от мыслящих людей.

В области чувства есть факт слепящий, звенящий, оглушающий, факт, перед которым меркнет все, факт, переполняющий сердце всякого русского огромной, потрясающей радостью, факт *Возвращения России*. Да, Россия жива! И чем больше в этот факт вдумываешься, тем более он представляется непостижимым, чудесным. Мы хоронили ее, мы с болью в сердце присутствовали при её агонии, мы, казалось, с неумолимой точностью знали, что спасения нет, что все безвозвратно, безнадежно пропало; и вдруг — Россия жива, она дышит, она открывает глаза! И не только открывает глаза — вот по её телу пробегают вздрагивания, которые показывают, что она пробуждается с новыми силами, что теперь она встанет такой, какой мы её еще не видали. И с какой гордостью, с какой всечеловеческой радостью начинаем мы теперь замечать, что ее любят и будут любить все «страждущие и обремененные», что она точно пострадала за всех, что она точно открыла глаза всем, о пусть не говорят мне, что это бред! Пойдите,

поговорите о ней, о нашей России, сейчас с французским рабочим, с итальянским крестьянином, с немецким чиновником, со славянским интеллигентом — поразительно, до чего сейчас в Россию верят все, в то, что *она* встанет, в то, что, когда она встанет, тогда все точно по мановению жезла изменится, жить всем станет легко и радостно. И это сочувствие растет и ширится. Не по дням, а по часам. Оно углубляется, оно стремится проникнуться сознательностью... И вот, когда вы столкнетесь с волнами этого сочувствия, когда вы сами почувствуете в себе прилив неизъяснимой радости, вы — вы *все простите*, вы все забудете. Россия жива, и день за днем растет её мировая, мирная мощь: кто-то кует её единство, кто-то стоит на страже её границ, кто-то подымает её удельный вес, кто-то заставляет к ней с верой тянуться всех обездоленных, кто-то говорит от её имени громко, веско и внушительно. Довольно! Если это так, то этот *Кто-то* — не враг России. Для многих факт гибели в борьбе близких — непреодолимое препятствие к примирению. Но вспомним, разве не прощали мы того же другим, требовавшим от нас той же жертвы, но жертвы во имя старой России, а не той новой и лучезарной, что ныне рождается в великих муках и страданиях?

В сфере удовлетворения требований разума главными моментами являются два условия: культурная работа и экономическое развитие России. Есть ли гарантии, что эти два условия могут в Советской России быть осуществлены? Если есть, то будем объективны: мы не можем не примириться. Посмотрим сначала на группу моментов культурного порядка. Что в Советской России наука и искусство сейчас защищены, что их стараются развить, что их значение теперь понимают, — это факт. Раньше третировали, глумились, чуть ли не гнали — да, это было, мало ли что было? А теперь этого нет, и это факт. Есть неоспоримые данные, что и в области просвещения масс делается огромное напряжение. Пусть многое делается неуклюже, нескладно, несогласованно, — но остается факт усилий, напряжения, понимания и желания. И этого довольно. Это гарантия. Свобода? Конечно, её еще нет, но теперь мы понимаем, что в бурю на корабле, в опасности, что на пожаре — её и не может быть. Но что она будет, раз будет просвещение — это также ясно, как то, что, когда солнце взойдет, станет светло и можно легко двигаться. Мы научились ждать.

Моменты экономического порядка? В этой сфере — факт: возвращение к ряду максимумов, требуемых жизнью, факт — несомненное улучшение положения, факт, засвидетельствованный иностранцами, — героическая работа советской власти в голодных районах; гарантия — попытки рационализировать производство, гарантия —

трудовая повинность, гарантия — отказ от узкого доктринерства, упорной прямолинейности, гарантия — убежденная откровенность речей и выступлений Ленина.

Спросим себя по совести: можно ли требовать от выздоравливающего после тяжелой болезни организма — сразу правильного обмена веществ, максимального эффекта мышечной работы, остроты чувств, быстроты нервных и мыслительных реакций?

Итак, и в сфере удовлетворения требований разума, как основания для появления чувства примирения, все заставляет нас согласиться с тем, что данных у нас уже достаточно. Ради России, ради себя самих, её сынов, мы протягиваем нашим бывшим противникам руку и вместе с ними хотим идти вперед, к Солнцу, Свету, к Правде! И поступая так, мы чувствуем такую легкость, бодрость, радость, такой прилив новых сил, что все страхи и сомнения, все колебания исчезают как дым. Великая грядущая эпоха даст нам возможность радостно творить будущее, набрасывая светлую пелену воспоминания на прошлое с его романтизмом, в котором жили наши прадеды, и которое нам дорого по песням Новалиса² и Гейне³ — этих истинных певцов интеллигентской души.

